

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г11

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *Н. Касаткиной* («Страдания юного Вертера»), *С. Ошерова* («Герман и Доротея»)

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г11 Страдания юного Вертера : [сборник] / Иоганн Вольфганг Гёте ; [перевод с немецкого]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110137-4

История душевных мук и трагической гибели тонко чувствующего юноши, страдающего от любви к чужой невесте и равнодушия светского общества, настолько покорила умы читающей европейской публики, что привела к целой волне самоубийств, — молодые сверстники Вертера, одержимые мыслью о духовной близости с любимым литературным героем, массово сводили, по его примеру, счеты с жизнью. Нужны ли другие примеры того, какой силой таланта и психологической убедительностью обладает этот роман?

Помимо «Страданий юного Вертера», в сборник входит также поэма «Герман и Доротея» — лирический шедевр о любви простого немецкого крестьянского паренька к случайно встреченной на дороге юной беженке из охваченной войной Франции.

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

ISBN 978-5-17-110137-4

© Перевод. Н. Касаткина, наследники, 2018
© Перевод. С. Ошеров, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА

*Я бережно собрал все, что удалось мне разу-
знать об истории бедного Вертера, предла-
гаю ее вашему вниманию и думаю, что вы бу-
дете мне за это признательны, вы проникне-
тесь любовью и уважением к его уму и сердцу
и прольете слезы над его участью.*

*А ты, бедняга, подпавший тому же искуше-
нию, почерпни силы в его страданиях, и пусть
эта книжка будет тебе другом, если по воле
судьбы или по собственной вине ты не найдешь
себе друга более близкого.*

КНИГА ПЕРВАЯ

4 мая 1771 г.

Как счастлив я, что уехал! Бесценный друг, что такое сердце человеческое? Я так люблю тебя, мы были неразлучны, а теперь расстались, и я радуюсь! Я знаю, ты простишь мне это. Ведь все прочие мои привязанности словно нарочно были созданы для того, чтобы растревожить мне душу. Бедняжка Леонора! И все-таки я тут ни при чем! Моя ли вина, что страсть росла в сердце бедной девушки, пока меня развлекали своенравные прелести ее сестрицы! И все же — совсем ли я тут неповинен? Разве не давал я пищи ее увлечению? Разве не были мне приятны столь искренние выражения чувств, над которыми мы частенько смеялись, хотя ничего смешного в них не было, разве я... Ах, да смеет ли человек судить себя! Но я постараюсь исправиться, обещаю тебе, милый мой друг, что постараюсь, и не буду, по своему обыкновению, терзать себя из-за всякой мелкой неприятности, какую преподносит нам судьба;

я буду наслаждаться настоящим, а прошлое пусть останется прошлым. Конечно же, ты прав, мой милый, люди, — кто их знает, почему они так созданы, — люди страдали бы гораздо меньше, если бы не развивали в себе так усердно силу воображения, не припоминали бы без конца прошедшие неприятности, а жили бы безобидным настоящим.

Не откажи в любезности сообщить моей матери, что я добросовестно исполнил ее поручение и вскоре напишу ей об этом. Я побывал у тетки, и она оказалась вовсе не такой мегерой, какой ее у нас изображают. Это жизнерадостная женщина сангвинического нрава и добрейшей души. Я изложил ей обиды матушки по поводу задержки причитающейся нам доли наследства; тетка привела мне свои основания и доводы и назвала условия, на которых она согласна выдать все и даже больше того, на что мы притязаем. Впрочем, я не хочу сейчас распространяться об этом; скажи матушке, что все уладится. Я же, милый мой, лишний раз убедился на этом пустячном деле, что недомолвки и закоренелые предубеждения больше вносят в мир смуты, чем коварство и злоба. Во всяком случае, последние встречаются гораздо реже.

А вообще живется мне здесь отлично. Одиночество — превосходное лекарство для моей души в этом райском краю, и юная пора года щедро согревает мое сердце, которому часто бывает хо-

лодно в нашем мире. Каждое дерево, каждый куст распускается пышным цветом, и хочется быть майским жуком, чтобы плавать в море благоуханий и насыщаться ими.

Город сам по себе мало привлекателен, зато природа повсюду вокруг несказанно прекрасна. Это побудило покойного графа фон М. разбить сад на одном из холмов, расположенных в живописном беспорядке и образующих прелестные долины. Сад совсем простой, и с первых же шагов видно, что планировал его не ученый садовод, а человек чувствительный, искавший для себя радостей уединения. Не раз уж оплакивал я усопшего, сидя в обветшалой беседке — его, а теперь и моем любимом уголке. Скоро я стану полным хозяином этого сада; садовник успел за несколько дней привязаться ко мне, и жалеть ему об этом не придется.

10 мая

Душа моя озарена неземной радостью, как эти чудесные весенние утра, которыми я наслаждаюсь от всего сердца. Я совсем один и блаженствую в здешнем краю, словно созданном для таких, как я. Я так счастлив, мой друг, так упоен ощущением покоя, что искусство мое страдает от этого. Ни одного штриха не мог бы я сделать, а никогда не был бы таким большим художником, как в эти минуты. Когда от милой моей долины поднима-

ется пар и полдневное солнце стоит над непро-
ницаемой чащей темного леса и лишь редкий луч
проскальзывает к его святая святых, а я лежу в вы-
сокой траве у быстрого ручья и, прильнув к земле,
вижу тысячи всевозможных былинки и чувствую,
как близок моему сердцу крошечный мирок, что
снует между стебельками, наблюдаю эти неисчис-
лимые, непостижимые разновидности червяков
и мошек и чувствую близость Всемогущего, соз-
давшего нас по своему подобию, веяние Вселю-
бящего, судившего нас парить в вечном блажен-
стве, когда взор мой туманится и все вокруг меня
и небо надо мной запечатлены в моей душе, точно
образ возлюбленной, — тогда, дорогой друг, меня
часто томит мысль: «Ах! Как бы выразить, как бы
вдохнуть в рисунок то, что так полно, так тре-
петно живет во мне, запечатлеть отражение моей
души, как душа моя — отражение предвечного
Бога!» Друг мой... Но нет! Мне не под силу это,
меня подавляет величие этих явлений.

12 мая

Не знаю, то ли обманчивые духи населяют эти
места, то ли мое собственное пылкое воображе-
ние все кругом превращает в рай. Сейчас же за
городком находится источник, и к этому источ-
нику я прикован волшебными чарами, как Мелу-
зина и ее сестры. Спустившись с пригорка, попа-
даешь прямо к глубокой пещере, куда ведет двад-

цать ступенек, и там внизу из мраморной скалы бьет прозрачный ключ. Наверху низенькая ограда, замыкающая водоем, кругом роща высоких деревьев, прохладный тенистый полумрак — во всем этом есть что-то влекущее и таинственное. Каждый день я просиживаю там не менее часа. И городские девушки приходят туда за водой — простое и нужное дело, царские дочери не гнушались им в старину.

Сидя там, я живо представляю себе патриархальную жизнь: я словно воочию вижу, как все они, наши праотцы, встречали и сватали себе жен у колодца и как вокруг источников и колодцев витали благодетельные духи. Лишь тот не поймет меня, кому не случилось после утомительной прогулки в жаркий летний день насладиться прохладой источника!

Ты спрашиваешь, прислать ли мне мои книги. Милый друг, ради Бога, избавь меня от них! Я не хочу больше, чтобы меня направляли, ободряли, воодушевляли, сердце мое волнуется само по себе: мне нужна колыбельная песня, а такой, как мой Гомер, второй не найти. Часто стараюсь я убаюкать свою мятежную кровь; недаром ты не встречал ничего переменчивей, непостоянней моего сердца! Милый друг, тебя ли мне убеждать в этом, когда тебе столько раз приходилось терпеть переходы моего настроения от уныния к необузданным мечтаниям, от нежной грусти к пагубной пылкости! Поэтому я и лелею свое бедное

сердечко, как больное дитя, ему ни в чем нет отказа. Не разглашай этого! Найдутся люди, которые поставят мне это в укор.

15 мая

Простые люди нашего городка уже знают и любят меня, в особенности дети. Я сделал печальное открытие. Вначале, когда я подходил к ним и приветливо расспрашивал о том о сем, многие думали, что я хочу посмеяться над ними, и довольно грубо отмахивались от меня. Но я не унывал, только еще живее чувствовал, как справедливо одно давнее мое наблюдение: люди с определенным положением в свете всегда будут чуждаться простонародья, словно боясь унижить себя близостью к нему; а еще встречаются такие легкомысленные и злые озорники, которые для вида снисходят до бедного люда, чтобы только сильнее чваниться перед ним.

Я отлично знаю, что мы неравны и не можем быть равными; однако я утверждаю, что тот, кто считает нужным сторониться так называемой черни из страха уронить свое достоинство, заслуживает не меньшей хулы, чем трус, который прячется от врага, боясь потерпеть поражение.

Недавно пришел я к источнику и увидел, как молоденькая служанка поставила полный кувшин на нижнюю ступеньку, а сама оглядывалась, не идет ли какая-нибудь подружка, чтобы помочь

ей поднять кувшин на голову. Я спустился вниз и посмотрел на нее.

— Помочь вам, девушка? — спросил я.

Она вся так и зарделась.

— Что вы, сударь! — возразила она.

— Не церемоньтесь!

Она поправила кружок на голове, и я помог ей. Она поблагодарила и пошла вверх по лестнице.

17 мая

Я завел немало знакомств, но общества по себе еще не нашел. Сам не понимаю, что во мне привлекательного для людей: очень многим я нравлюсь, многим становлюсь дорог, и мне бывает жалко, когда наши пути расходятся. Если ты спросишь, каковы здесь люди, мне придется ответить: «Как везде!» Удел рода человеческого повсюду один! В большинстве своем люди трудятся по целым дням, лишь бы прожить, а если остается у них немножко свободы, они до того пугаются ее, что ищут, каким бы способом от нее избавиться. Вот оно — назначение человека!

Однако народ здесь очень славный: мне крайне полезно забыться иногда, вместе с другими насладиться радостями, отпущенными людям, просто и чистосердечно пошутить за обильно уставленным столом, кстати устроить катанье, танцы и тому подобное; только не надо при этом вспоминать, что во мне таятся другие, без пользы по-

гибающие силы, которые я принужден тщательно скрывать. Увы, как больно сжимается от этого сердце! Но что поделаешь! Быть непонятым — наша доля.

Ах, почему не стало подруги моей юности! Почему мне было суждено узнать ее! Я мог бы сказать: «Глупец! Ты стремишься к тому, чего не сыщешь на земле!» Но ведь у меня была же она, ведь чувствовал я, какое у нее сердце, какая большая душа; с ней я и сам казался себе больше, чем был, потому что был всем тем, чем мог быть. Боже правый! Все силы моей души были в действии, и перед ней, перед моей подругой, полностью раскрывал я чудесную способность своего сердца общаться к природе. Наши встречи порождали непрерывный обмен тончайшими ощущениями, острейшими мыслями, да такими, что любые их оттенки, любые шутки носили печать гениальности. А теперь! Увы, она была старше меня годами и раньше отошла в могилу. Никогда мне не забыть ее, не забыть ее светлого ума и ангельского всепрощения!

На днях я встретился с неким Ф., общительным молодым человеком удивительно приятной наружности. Он только что вышел из университета, и хоть не считает себя мудрецом, однако думает, что знает больше других. Правда, по всему видно, что учился он прилежно: так или иначе, образование у него порядочное. Прослышав, что я много рисую и владею греческим языком (два

необычных явления в здешних местах), он поспешил мне отрекомендоваться и щегольнул множеством познаний от Батте до Вуда, от Пиля до Винкельмана и уверил меня, что прочел из Зульцеровой «Теории» всю первую часть до конца, и что у него есть рукопись Хайне об изучении античности. Я все это принял на веру.

Познакомился я еще с одним превосходным, простым и сердечным человеком, княжеским амтманом. Говорят, душа радуется, когда видишь его вместе с детьми, а у него их девять: особенно превозносят его старшую дочь. Он пригласил меня, и я вскорости побываю у него. Живет он на расстоянии полутора часов отсюда в княжеском охотничьем доме, куда получил разрешение переселиться после смерти жены, потому что ему слишком тяжело было оставаться в городе на казенной квартире.

Кроме того, мне повстречалось несколько оригинальничающих глупцов, в которых все невыносимо, а несносней всего их дружеские излияния.

Прощай! Письмо тебе понравится своим чисто повествовательным характером.

22 мая

Многим уже казалось, что человеческая жизнь — только сон, меня тоже не покидает это чувство. Я теряю дар речи, Вильгельм, когда наблюдаю, какими тесными пределами ограничены